

УДК 316.34

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-3-148-156

Андрей Викторович Филимонов

соискатель,

Забайкальский государственный университет

(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),

e-mail: A.V.Filimonov@mail.ru

Методология исследования идентичности казаков в контексте концепции социального конструктивизма

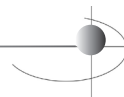
В статье предлагается разработка конструктивистского подхода к анализу исследований российского казачества. Проводя сравнительный анализ, автор показывает, что базовым понятием дискурса о казаках является идентичность, понимаемая как инструмент, используемый для формирования адаптивных навыков, обеспечивающих приспособление человека к условиям меняющейся социальной среды, выполняющей роль «жизненного мира» и одновременно являющийся продуктом жизнедеятельности социума и человека. Автор убежден, что в данной концепции нет места представлениям о возможности начального состояния сознания как некоей данности, впоследствии реформируемой за счёт социальных изменений. Эта позиция отражает точку зрения модернистской антропологии, рассматривающей социальные группы как ситуативные сообщества, зависящие только от актуального межгруппового взаимодействия. По мнению автора, данная методология исходит из определения казачества в качестве социального конструкта, обладающего диффузными параметрами и используемого различными субъектами социального и политического действия для различных целей. Понятие «казаки» отличается многозначностью, так как оно понимается и как исторический феномен, и как ноумен, то есть продукт философского созерцания, чья сущность остаётся скрытой. В социальном мире российское казачество – особый социальный конструкт в рамках российского социального пространства, который сложился в результате острой необходимости российского правительства в защите государственных границ. В качестве последнего оно присутствовало в дореволюционном российском обществе в виде социальной страты, формируемой по социальному и профессиональному признаку. При последующем изменении социальных условий, в первую очередь, связанную с прекращением государственной поддержки казачества, идентичность казаков претерпевала изменения вплоть до отказа считать себя представителями этой социальной страты.

Ключевые слова: конструктивизм, структурализм, социальный конструкт, казачество, казак, множественная идентичность, диффузная идентичность

Вводная часть. Современные условия развития глобализационных процессов в современном обществе являются причиной ряда проблем, связанных последствиями экономической и культурной модернизации, которые девальвируют ценности традиционного общественного и индивидуального сознания. Развёртывание современного «гуманитарного кризиса» сопровождается кризисом идентичности многих этнических групп, переживающих утрату своих традиций и устоев. Однако у глобализации обнаружился и обратный эффект, заключающийся в росте значимости оснований этнической самобытности, что приводит к интенсификации поиска и осмысления её проявлений. Многие субъекты социальной реальности прилагают усилия для воплощения в жизнь проектов возрождения этнических групп, ценности которых представляются для них значимыми. Одной из таких групп является движение, провозгласившее своей целью возрождение

казачества. На рубеже XX и XXI веков в России стали создаваться и регистрироваться общества и объединения казаков, прошло принятие законов о казачестве, утверждение целевых программ поддержки обществ казаков. Распространённой практикой стало появление учреждений казачьего образования, проведение фестивалей, конкурсов культуры казаков, конференций, круглых столов, семинаров, на которых обсуждаются перспективы и проблемы возрождения казачества [9, с. 188].

Вместе с этим появился ряд вопросов, требующих своего разрешения, одним из которых стал вопрос об этнической принадлежности современного казачества, который, как ранее казалось, был предельно ясен для российской науки. Капитальные работы, посвящённые изучению истории казачества, утверждали парадигмальные установки, в соответствии с которыми казаки в своей массе являлись частью русского этноса (народа), и

образовывали субэтнос, несмотря на наличие небольших групп «инородцев» [2, с. 84]. Однако в настоящее время, когда возрождение казачества стало социальной реальностью, этот вопрос вызвал немало возражений. Проблема происхождения казачества оказалась очень сложной и малоизученной, так как в науке не оказалось устраивающего все участвующие в этом дискурсе стороны ответа на вопрос: «Кто такие казаки?». Народ это или «служилое сословие»? Кроме этого, отсутствует обоснование имеющихся различий между различными сообществами казаков: донскими казаками, казаками-некрасовцами, запорожскими казаками, казаками-бурятами и другими [12].

Методология и методика исследования. Важно учитывать, что методологическая позиция отечественных исследователей современного казачества в большинстве трудов определяется социально-философскими трудами таких авторов, как А. А. Арутюнян, С. Т. Калтахчян, Ю. А. Левада, С. В. Лурье, В. В. Макаров, А. П. Огурцов, М. Н. Руткевич, С. С. Савоскул [17], которые исходят из положения о том, что этничность объективно существует, а человек может её исследовать и адекватно объяснять. Представителей этого подхода объединяет вера в существование особой социальной или этнической специфики, отличающей казаков, которые в связи с этим могут пониматься либо как субэтнос русского этноса, либо как специфический казачий этнос. Одновременно эта вера определяет ряд противоречий, существующих между исследователями по отношению к вопросу о происхождении казаков, их национальной принадлежности, социальному статусу [16].

В частности, примордиальные выводы о природе казачества ставятся под сомнение в связи с современными исследованиями в области истории, этнологии, генетики. Согласно им оказывается невозможным проследить генетическую преемственность современных казаков с казаками XVI века, что ставит вопрос об отсутствии непрерывной истории казачества. Одновременно эти исследования доказывают, что нельзя подвергать сомнению тот факт, что в этническом составе казаков зафиксированы неславянские, в том числе кавказские и тюркские компоненты [21, с. 68]. Поэтому западные исследователи, такие, как Э. Д. Смит, указывают, что казачья нация никогда не существовала, вместо этого присутствовала этно-националистическая категоризация, носителем которой были социальные группы, не основанные на генетической принадлежности [22, с. 187].

В целом исследователи признают, что любые этно-генетические трактовки результатов изысканий относительно раннего казачества не имеют практической ценности, так как отсутствуют системы бесспорных и общепринятых доказательств широко распространённого убеждения единой этнической общности казаков. Таким образом, применительно к исследованию сообщества казаков, сформированного как сложная структура, вобравшая в себя разнообразные социальные, профессиональные, региональные, религиозные и этнические характеристики, оказываются неприменимыми сущностные концепции, которые не учитывают этой разницы и пытаются рассматривать казачество как этническую цельность.

На наш взгляд, в данном случае обусловлено применение релятивистского подхода, основанного на убеждении в социальной и конструируемой природе социальных явлений. Согласно этому подходу, этническая группа существует только потому, что она воспринимает себя как этническую группу. Дело в том, что в современных условиях каждый человек имеет возможность самостоятельно решать, к какому этносу себя отнести. Например, в Указе Президента от 1992 года казаками названы граждане, считающие себя прямыми потомками казаков. Это положение подтверждено Федеральным законом о казачестве 2005 года, согласно которому казаками могут считаться и члены общественных организаций и люди, принявшие на себя обязанности несения государственной службы. Таким образом, на уровне законодателя идентичность признаётся ведущим фактором формирования различных групп казаков и происходит признание релятивности социального понятия «казаки», определение значения которого теперь зависит от выбора субъекта [7].

Разработка релятивистских подходов к описанию социального феномена казаков только начинается, однако имеется значительная методологическая база, связанная с исследованием социальных явлений в многочисленных общеполитических, психоаналитических, социологических и междисциплинарных исследованиях, в которых анализируются социальные группы, их трансформации, возможные варианты развития в современном мире. Ведущим понятием этой философии является идентичность, понимаемая как фундаментальная характеристика бытия, в которой отражено представление о тождественности человека самому себе, и которая

указывает на сохранение единства и целостности личности в пространстве и времени и противопоставляет «инаковости» [13, с. 62]. Философская база, составляющая основу подходов к проблемам идентичности и её формирования разрабатывалась в классических трудах П. Бергера, Т. Лукмана, П. Бурдьё, Ф. Барта, П. Штомпки, Т. Парсонса, М. Фуко, Ю. Хабермаса, А. Шюца, Э. Эриксона, которые понимали процесс становления человека как результат воздействия общественных отношений [23, с. 187]. Центральным вопросом, вокруг которого строится социально-философский дискурс в сфере социального взаимодействия и идентичности, определяется структуралистской проблематикой К. Леви-Стросса, которая сводит становление сознания к конструированию подобий реальности, которые наделены прерогативами оригиналов и превосходят реальность, так как оказываются в состоянии очерчивать её границы. Существенное влияние оказали структуралистские идеи на П. Бурдьё, который представил идентичность в качестве вариативной структуры социальных различий. Социальная идентичность в контексте теории габитуса понимается как символический капитал, имеющий ментальную форму проявления [3]. В свете этой концепции становится очевидным, что спор между миграционной и автохтонной концепцией происхождения казачков очень ситуативен, так как он относится к наследию, на которое претендуют донские, запорожские, терские казаки, однако не интересует специалистов по истории казачества Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока, которое на данный социальный капитал не претендует.

Результаты исследования. Из этого можно сделать вывод, что идентичность казаков релятивна и в рамках данной работы рассматривается как один из компонентов социальной идентичности, а в качестве определения последней принимается описание А. Тешфела, заключающееся в указании на социальную идентичность, как на элемент Я-концепции, возникающий из осознания своей принадлежности к социальной группе [24, с. 22]. Теория социальной идентичности утверждает, что у каждого индивида есть потребность к сообществу, представляющему собой высокостатусную, сильную и позитивно оцениваемую группу.

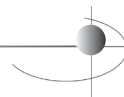
Содержательный анализ представлений членов группы о своей идентичности показывает широкий спектр самооценок, среди которых наиболее востребованной, по мнению

Н. М. Лебедевой, является идентичность, которая характеризуется множественностью форм проявления, так как объединяет в себе элементы различных культур и социальных групп¹. Тот факт, что у казаков во все времена бытовала множественная идентичность, демонстрируют многочисленные попытки типологизации казачества. В источниках конца XV–XVI века встречаются упоминания о том, что казаки проживали в северных, южных и западных районах государства. Они подразделялись на «служилых», находящиеся на службе у государства, у «знатных» людей, патриарха, и «вольных», самостоятельно «казачивших в поле». Как указывают С. Ф. Платонов, А. Л. Станиславский, Р. Г. Скрынников, грани между ними не существовало и одни и те же группы могли служить государству, а могли казачивать в поле.

Множественная идентичность у казаков постоянно подвергалась изменениям, что подтверждает тезис социального конструкционизма о том, что идентичность характеризуется относительностью и изменчивостью, зависимой от окружающих обстоятельств. Это подтверждается данными о том, что у современных казаков присутствует множественная идентичность, в которой социальный фактор, наряду с этническим элементом, играет большую роль [15, с. 282]. В. П. Громов пишет, что их можно разделить на три группы: 1) потомственные казаки, идентифицирующие себя с казачьим народом; 2) казаки, сохранившие историческую память, но идентифицирующие себя не с народом, а со служилым сословием; 3) казаки, утратившие казачье самосознание [8]. В данном случае мы видим, что пример казаков подтверждает положения концепции диффузной идентичности М. Вевьерка, согласно которой идентичность базируется не столько на наличии общих с идеальным объектом признаков, сколько на желании или нежелании иметь таковые [1, с. 50]. Человек в этой концепции ищет такой социум, включаясь в который, он обретёт положительную идентичность, и если он выбирает быть казаком, то это зависит не столько от наследственности, сколько от его субъективной оценки данной группы.

Исходя из данных соображений, по отношению к описанию исторической судьбы представителей и групп казачества логично использовать термин «диффузная социальная идентичность», подчёркивая синтетический и динамический характер данного фено-

¹ Лебедева Л. В. Социальная психология: учеб. пособие. – Тюмень: – ТюмГУ, 2009. – 296 с.

мена. Его синтетичность заключается в том, что диффузная социальная идентичность казаков состоит из множества частичных идентичностей и включает в себя личную, групповую, региональную, культурную, религиозную, этническую и гражданскую идентичности, составляющие, по мнению С. Московичи, определённую иерархию [22, с. 174]. В то же время динамичность социальной идентичности у казаков заключается в том, что понимание себя группой как некоей целостности у них изменялось в зависимости от изменения социально-политической ситуации и социального влияния.

Когда социальная идентичность представителей какой-либо группы негативна, люди предпринимают усилия для того чтобы обрести позитивную социальную идентичность, но они могут также попытаться изменить свою групповую принадлежность и идентифицироваться с группой, имеющей более высокий статус. Именно такие процессы, основанные на рефлексии взаимодействия между государственными структурами и населением окраинных земель русского, а затем российского государства, определяли процессы формирования идентичности казаков. На то, что формирование группового самосознания является производным сложного взаимодействия группы с социальным окружением, где всякие попытки объединения встречают тенденцию, направленную на отторжение, а стремление к противопоставлению наталкивается на объединительные тенденции, обратил внимание Б. Ф. Поршнев [14, с. 14].

Казаки как явление появились в условиях допетровской Руси, но дискурс о роли и судьбе казаков стал подниматься как таковой только в связи с угрозой утраты вольного казачества после проведения петровских реформ, направленных на централизацию власти и последующее уничтожение вольности казаков Запорожской Сечи и Сибири. Однако наиболее чётко положения идеологии «казакманов», утверждающей важность сохранения «старинных прав и привилегий» казаков, были озвучены в период проведения Великих реформ 1860–1870-х годов, определивших, что в условиях развивающегося капитализма, казачество как служилое сословие перестало быть нужным Российскому государству. По мере развития модернизации и интеграции российского общества в начале XX века нарастала активность противостоящих им охранителей казачества, которые выступили в качестве организаторов автономистского проекта под названием «правый Дон». Трак-

товка идентичности казаков в данном проекте звучала двусмысленно, имея в виду идентификацию себя как наиболее националистической части русского народа, когда речь шла об отношениях с иными государствами и «инородцами» и одновременную идентификацию себя как самостоятельного от русских этноса, когда речь шла о региональных проблемах [11, с. 11].

Однако сходные процессы происходили в условиях эмиграции, когда интенсивное социальное и культурное влияние со стороны социального окружения и правящих кругов Франции, Германии и Японии интенсифицировало повышение внимания казаков-эмигрантов к своим корням и традициям, что способствовало сохранению ими духовного наследия и идентичности. Аналогичные результаты имеет современное противостояние с кавказским населением на территории Краснодарского края, которое привело к тому, что масса казаков начала рассматривать себя как русский субэтнос, вслед за чем последовали политические заявления, сопровождающиеся проведением фестивалей, реконструирующих ход исторических событий и иницирующих распространение коллективных представлений о российской колонизации XVIII–XIX веков как «возврате» казаков на земли своих предков. Этническая идентичность казаков здесь выступает как идейная конструкция, функцией которой является организация связи между различными индивидами, группами и государством [5].

Согласно современной методологии конструктивистов процесс формирования социальной реальности понимается настолько радикально, что он лишает личность каких-либо статичных параметров и ставит её в зависимость от сиюминутной динамики социального влияния. Эта позиция отражает точку зрения модернистской антропологии, рассматривающей социальные группы как ситуативные сообщества, зависящие от актуального межгруппового взаимодействия [24, с. 15]. Казачество в контексте данной концепции невозможно представить ни как этнос, так как в его составе могли быть представители многих народов, ни как сословие, так как среди казаков встречались представители других сословий. В дореволюционной России казаки представляли собой особого рода союз людей, идеалом которых была «воля», но на положение которых оказывали влияние общественные интерпретации, отражающие представления, связанные с тем, кем являлись и кем должны быть казаки. И здесь

важно, что казаки в различных условиях могли становиться не только этническим или сословным, но политическим и культурным образованием, так как в рамках конструктивистского подхода доказывается, что не только этническое, но и «политическое и культурное самосознание является результатом человеческой деятельности» [19, с. 40]. Например, такой социальный конструктор, как «советское казачество» представляется как результат взаимодействия между партийно-советскими властными структурами и беднейшими массами казачества, сделавшими социалистический выбор, став частью колхозной системы, но не растворившись в колхозном крестьянстве.

Этот процесс подтверждает конструктивистские положения Б. Андерсона и Э. Хобсбаума, о том, что чувство идентичности возникает у группы благодаря усилиям политиков, учёных, писателей. Согласно этим исследованиям, идентичность является ментальным образом, связанным с практиками самоинтерпретации, проходящими в контексте социального взаимовлияния [20, с. 116]. Эта концепция позволяет по-новому взглянуть на процесс государственно-политического определения казачества в XVIII веке, когда произошёл процесс окончательной интеграции казаков в состав вооружённых сил Российской империи и определяющую роль в развитии казачества стало играть государство. Усилия государства были направлены на преодоление существенных социокультурных отличий между различными региональными формированиями казаков, вследствие чего происходило смешивание различных этнических образований, сопровождавшееся мощным культурным воздействием на ментальные установки казаков [16].

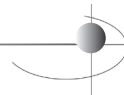
Именно в силу того, что подобная смешанность и неопределённость этнических признаков присутствует в структуре внутригрупповых связей многих социальных групп, она в работах представителей теории социального конструктивизма выстраивается на основании взаимодействия когнитивного, аффективного, а также поведенческого компонента, представленного различными, в том числе и этническими, моделями и образцами поведения, что служит основанием для признания этнической идентичности в качестве компонента социальной идентичности. Социальная идентичность является образом «мы», который связывает индивида и его группу и выступает в качестве результата таких социально-психологических процессов,

как этническая идентификация и этническая дифференциация [1, с. 50].

Самоопределение группы в трудах Б. Андерсона и Э. Геллнера понимается как идеологическая конструкция, функцией которой является организация связи между государством и индивидами и группами, находящимися в процессе социализации. Согласно Б. Андерсону, на самоопределение людей как членов нации, в первую очередь, влияет «воображаемый образ их сообщества», размещённый у них в голове благодаря деятельности элит. Ключевая роль в организации процессов внешнего социального влияния, по Э. Геллнеру, принадлежит государству, которое санкционирует для целей объединения людей в такие группы как «единый народ», посредством применения стандартизированного языка, национального рынка труда и обязательного образования [5]. Так российское государство ещё в начале XX века инициировало проявления негативного отношения к казакам, демонстрируя, что в условиях реформ сословно-служилый образ жизни казаков ставил их в более выгодное положение по сравнению с крестьянами и другими социальными группами.

Советское государство в период после Октябрьской революции довело эту тенденцию до логического завершения, осуществив создание особого социального конструкта под названием «советский народ», в состав которого на равных правах вошли различные социальные образования. Среди них были и казаки, которых перевели в разряд колхозного крестьянства. При этом политика «расказачивания» имела целью физическое уничтожение ставшего ненужным социального конструкта, который оценивался в рамках мифологемы о казаках как «опоре самодержавия», «контрреволюционному сословию», «народе-помещике» и «конной полиции» [10, с. 25].

В течение первых десятилетий существования советского государства казачество утрачивает признаки организационного и административно-территориального управления, что привело к исключению казаков из списков переписи населения. Терялась сама необходимость принадлежности к казачеству, разрушались организационно-политические, экономические и духовные основы идентичности. При этом важно, что в зависимости от условий политика советской власти менялась. В преддверии войны с фашизмом из казаков создавали кавалерийские корпуса и конно-механизированные группы, а сразу

после парада Победы их вновь расформировывали и продолжали «рассказывание». В целом, прекращение иррегулярной военной службы казаков неизбежно привело к утрате непосредственной социальной передачи казачьего образа жизни и иных идентификационных признаков потомственных казаков [18, с. 80].

Обсуждение результатов. Проведённый анализ позволяет утверждать, что в условиях современных попыток «возрождения казачества» реально способствовать этому процессу не могут ни принципы отдельного казачьего народа, ни военно-служилая составляющая. Важно понять, что современное противоречие вокруг казачества заключается в том, что традиционные требования казачества, такие, как автономия, самообеспечение и самооборона теоретически не сочетаются с современными установками российского государства, которое, тем не менее, нуждается в дееспособных союзниках, одного из которых видит в лице казаков. В этом случае на помощь приходит социальное влияние, использующее современные информационные технологии, связанные с воздействием на массовое сознание [4]. Казаки, оцениваемые как потенциальная сила, могущая повлиять на протекание этнических и политических процессов, становятся объектом социального влияния, что, в свою очередь, влияет на их самооценку и конструирование идентичности в современных условиях, особенностью которых является подверженность индивида процессам, связанным с информатизацией и глобализацией. Конструируемая здесь идентичность казаков выполняет те же функции, что социальная и этническая идентичность, то есть она формирует устойчивое чувство «мы», а также видение мира, основанное на принципе «мы – они», «свои – чужие». Однако её спецификой является интенсивная апелляция к принимаемым казаками ценностям, которые могут пониматься как этнические. Однако в зависимости от ситуации ценности группы могут варьироваться, включая актуализацию личностных, культурных, религиозных, этнических, политических или общегражданских установок, влияющих не только на групповые связи, но и на личностные убеждения казаков.

Выводы:

1. Анализ современных концепций идентичности показывает, что, как правило, данный аспект социальной реальности в рамках социально-философских, социо-психологических и антропологических дисциплин рас-

сматривался в связи с общими проблемами развития и социального становления человека. Ведущим вопросом, фиксируемым в различных парадигмах, является проблема о сущности факторов, влияющих на процесс формирования идентичности, среди которых выделяется социокультурное окружение, представляющее собой реальность межкультурного пространства коммуникаций, обеспечивающее личность социальными контактами, влияющими на развитие личности, и состояние её самосознания. В рамках представленных социально-философских, социо-психологических концепций понятие идентичности оценивается как система, вынужденная предпринимать меры для формирования адаптивных навыков, обеспечивающих приспособление человека к условиям меняющейся социальной среды, выполняющей роль «жизненного мира», и одновременно являющаяся продуктом жизнедеятельности обитающего здесь человека.

2. Согласно современной методологии конструктивистов, процесс формирования социальной реальности понимается настолько радикально, что он лишает личность каких-либо статичных параметров и ставит её в зависимость от сиюминутной динамики социального влияния. Важно понять, что в данной концепции нет места представлениям о возможности начального состояния сознания как некой данности, впоследствии реформируемой за счёт социальных изменений. Личность в концепции современного конструктивизма и теории идентичности лишена статичных параметров и зависит только от сиюминутной динамики социального конструирования. Эта позиция отражает точку зрения модернистской антропологии, рассматривающей социальные группы как ситуативные сообщества, зависящие от актуального межгруппового взаимодействия.

3. С точки зрения социального конструктивизма казачество – социальный конструкт, обладающий диффузными параметрами и используемый различными субъектами социального и политического действия для различных целей. Понятие «казаки» отличается многозначностью, так как оно понимается и как исторический феномен, и как ноумен, то есть продукт философского созерцания, чья сущность остаётся скрытой. Российское казачество – особый социальный конструкт в рамках российского социального пространства, который сложился в результате острой необходимости российского правительства в защите государственных границ. Однако на

дальнейшую судьбу этого конструкта повлияло то, при последующем изменении социальных условий, в первую очередь, связанную с прекращением государственной поддержки

казачества, идентичность казаков претерпела значительные изменения вплоть до отказа считать себя представителями этой социальной страты.

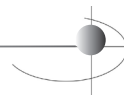
Список литературы

1. Белинская Е. П., Стефаненко Т. Г. Этническая социализация подростка. М.; Воронеж: МОДЭК, 2000. 208 с.
2. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с.
3. Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. 680 с.
4. Васильев И. Казачья этничность: происхождение и перспективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.narodnazemle.ru/node/50> (дата обращения: 20.11.2016).
5. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
6. Денисюк Н. П. Формирование этнической идентичности в современных условиях // Вестн. БДУ. Сер. 3. 2013. № 3. С. 86–89.
7. Журавский А. В. Являются ли казаки народом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kazak-center.ru/news/> (дата обращения: 20.11.2016).
8. Историко-культурное наследие Кубани, 2007–2013. Специальность – казак? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gipanis.ru/?level=1338&type=page> (дата обращения: 20.11.2016).
9. Кашина Н. И. К вопросу о механизмах формирования культурной идентичности казаков-кадет средствами музыкальной культуры казачества // Педагогическое образование в России. 2013. № 5. С. 188–191.
10. Кислицын С. А. Государство и казачество: сотрудничество и конфронтация // Проблемы казачьего возрождения: сб. науч. ст. Ростов н/Д.: Логос, 1996. Ч. 1. С. 15–25.
11. Корниенко Б. С. Русское казачество или казачья нация? Проблема самоопределения в идеологии казачьего национализма начала XX века // Клио. 2011. № 1. С. 3–11.
12. Курлапов А. Уральские казаки и проблемы этнической идентификации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gogunych.gixx.ru/g1-11.htm> (дата обращения: 20.11.2016).
13. Морозова Е. В. Сложносоставная идентичность как объект политологического анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 1. С. 60–66.
14. Поршнева Б. Ф., Анцыферова Л. И. История и психология: сб. ст. М.: Наука, 1971. 390 с.
15. Рыблова М. А. Казачество: прошлое и настоящее. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2010. Вып. 3. С. 278–285.
16. Сампиев И. М., Акиев С. И., Касымханов Р. К. К вопросу о казачьей идентификации и самоидентификации // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3. 178 с.
17. Сопов А. В. Некоторые особенности ментальности казаков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slavakubani.ru/%D1%81ossack-identity/social-psychology/nekotorye-osobennosti-mentalnosti-kazakov/> (дата обращения: 20.11.2016).
18. Трут В. П. К вопросу об этносоциальном облике казачества в начале века и проблемах его возрождения на современном этапе // Проблемы истории казачества: сб. науч. тр. Волгоград, 1995. С. 73–81.
19. Хотинец В. Ю. Формирование этнического самосознания студентов в процессе обучения в вузе // Вопр. психологии. 1988. № 3. С. 31–43.
20. Шюц А. Аспекты социального мира // Смысловая структура повседневности мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2003. С. 114–162.
21. Юрченко И. Ю. Казаки – турки? Трактровка проблемы этнического происхождения казачества в неопантюркистской историографии (на примере новых книг Мурада Аджи // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5. С. 68–69.
22. Moscovici S., Lage E. Studies in influence III: majority versus minority influence in a group // European Journal of Social Psychology. 1976. No. 6. P. 149–174.
23. Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell, 1986. 312 p.
24. Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations. Chicago: NelsonHall, 1986. P. 7–24.

Статья поступила в редакцию 25.12.2016; принята к публикации 10.02.2017

Библиографическое описание статьи

Филимонов А. В. Методология исследования идентичности казаков в контексте концепции социального конструктивизма // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 148–156. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-3-148-156.

Andrey V. Filimonov,
 External Postgraduate Student,
 Transbaikal State University
 (30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, 672039, Russia),
 e-mail: A.V.Filimonov@mail.ru

Methodology of Cossacks Identity Research in the Context of the Concept of Social Constructivism

The article proposes the development of a constructivist approach to the analysis of Russian Cossacks studies. By carrying out the comparative analysis, the author shows that a basic concept of a discourse about Cossacks is identity. It is understood as a tool, used for forming adaptive skills that ensure the adaptation of a person to the conditions of the changing social environment that fulfills the role of the "vital world" and at the same time being a product of society and person's vital activity. The author is convinced that in this concept there is no place to the ideas about the possibility of the initial state of consciousness as a certain reality, subsequently reformed due to social changes. This position reflects the view of modernist anthropology, considering social groups as situational communities, depending only on the actual intergroup interaction. According to the author, this methodology originated from the definition of Cossacks as a social construct, having diffusion parameters and used by various subjects of social and political action for different purposes. The concept of "Cossacks" is polysemantic, as it is understood both as a historical phenomenon and as a noumenon, i. e. the product of philosophical contemplation, whose essence remains hidden. In the social world the Russian Cossacks are a special social construct within the Russian social framework, which has been developed as a result of an urgent need for the Russian government to protect state borders. As the latter, it was present in pre-revolutionary Russian society in the form of a social stratum, created on the basis of social and professional characteristics. With subsequent changes of social conditions, first of all, connected with the termination of state support for the Cossacks, Cossacks' identity underwent changes up to the refusal of the Cossacks to consider themselves the representatives of this social stratum.

Keywords: constructivism, structuralism, social construct, Cossacks, Cossack, multiple identity, diffusion identity

References

1. Belinskaya E. P., Stefanenko T. G. *Etnicheskaya sotsializatsiya podrostka*. M.; Voronezh: MODEK, 2000. 208 s.
2. Bromlei Yu. V. *Ocherki teorii etnosa*. M.: Nauka, 1983. 418 s.
3. Burd'e P. *Formy kapitala // Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: khrestomatiya sovremennoi klassiki*. M.: ROSSPEN, 2004. 680 s.
4. Vasil'ev I. *Kazach'ya etnichnost': proiskhozhdenie i perspektivy* [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.narodnazemle.ru/node/50> (data obrashcheniya: 20.11.2016).
5. Gellner E. *Natsii i natsionalizm*. M.: Progress, 1991. 320 s.
6. Denisjuk N. P. *Formirovanie etnicheskoi identichnosti v sovremennykh usloviyakh // Vestn. BDU. Ser. 3. 2013. № 3. S. 86–89.*
7. Zhuravskii A. V. *Yavlyayutsya li kazaki narodom* [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.kazak-center.ru/news/> (data obrashcheniya: 20.11.2016).
8. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Kubani, 2007–2013. Spetsial'nost' – kazak?* [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.gipanis.ru/?level=1338&type=page> (data obrashcheniya: 20.11.2016).
9. Kashina N. I. *K voprosu o mekhanizmax formirovaniya kul'turnoi identichnosti kazakov-kadet sredstva-mi muzykal'noi kul'tury kazachestva // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2013. № 5. S. 188–191.*
10. Kisilitsyn S. A. *Gosudarstvo i kazachestvo: sotrudnichestvo i konfrontatsiya // Problemy kazach'ego voz-rozhdeniya: sb. nauch. st. Rostov n/D.: Logos, 1996. Ch. 1. S. 15–25.*
11. Kornienko B. S. *Russkoe kazachestvo ili kazach'ya natsiya? Problema samoopredeleniya v ideologii kazach'ego natsionalizma nachala XX veka // Klio. 2011. № 1. S. 3–11.*
12. Kurlapov A. *Ural'skie kazaki i problemy etnicheskoi identifikatsii* [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.gorynych.gixx.ru/g1-11.htm> (data obrashcheniya: 20.11.2016).
13. Morozova E. V. *Slozhnosostavnaya identichnost' kak ob'ekt politologicheskogo analiza // Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. 2012. № 1. S. 60–66.*
14. Porshnev B. F., Antsyferova L. I. *Istoriya i psikhologiya: sb. st. M.: Nauka, 1971. 390 s.*
15. Ryblova M. A. *Kazachestvo: proshloe i nastoyashchee. Rostov n/D.: YuNTs RAN, 2010. Vyp. 3. S. 278–285.*
16. Sampiev I. M., Akkiev S. I., Kasymkhanov R. K. *K voprosu o kazach'ei identifikatsii i samoidentifikatsii // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. № 2–3. 178 s.*
17. Sopov A. V. *Nekotorye osobennosti mental'nosti kazakov* [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.slavakubani.ru/%D1%81ossack-identity/social-psychology/nekotorye-osobennosti-mentalnosti-kazakov/> (data obrashcheniya: 20.11.2016).

18. Trut V. P. K voprosu ob etnosotsial'nom oblike kazachestva v nachale veka i problemakh ego vrozozhdeniya na sovremennom etape // Problemy istorii kazachestva: sb. nauch. tr. Volgograd, 1995. S. 73–81.
19. Khotinets V. Yu. Formirovanie etnicheskogo samosoznaniya studentov v protsesse obucheniya v vuze // Vopr. psikhologii. 1988. № 3. S. 31–43.
20. Shyuts A. Aspekty sotsial'nogo mira // Smyslovaya struktura povsednevnosti mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii. M.: In-t fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2003. S. 114–162.
21. Yurchenko I. Yu. Kazaki – tyurki? Traktovka problemy etnicheskogo proiskhozhdeniya kazachestva v neopan-tyurkistskoi istoriografii (na primere novykh knig Murada Adzhi // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2011. № 5. S. 68–69.
22. Moscovici S., Lage E. Studies in influence III: majority versus minority influence in a group // European Journal of Social Psychology. 1976. No. 6. P. 149–174.
23. Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell, 1986. 312 p.
24. Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations. Chicago: NelsonHall, 1986. P. 7–24.

Received: December 25, 2016; accepted for publication February 10, 2017

Reference to the article

Filimonov A. V. Methodology of Cossacks Identity Research in the Context of the Concept of Social Constructivism // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 148–156. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-3-148-156.